

РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Статья посвящена одной из самых интересных и актуальных проблем развития личности ребенка – переходу от школьной педагогики к семейной.

Семья – это та среда, в которой ребенок начинает жить, и к которой он очень восприимчив. Именно это воздействие, накапливаясь с возрастом, становится частью личностной структуры. В этом смысле в семье важно абсолютно все: и социальное положение, и род занятий, и уровень образования родителей, и сама внутрисемейная атмосфера.

На семью как основополагающий фактор социального становления личности указывают такие отечественные и зарубежные исследователи как С.Кратохвил, В.Таман, Л.Беньямин, Э.Арутюнянц, А.С.Спиваковская, Э.Г.Эйдемиллер, В.В.Юстицкий, Е.А.Личко, И.С.Кон, Л.Ковар, Е.Т.Соколова, Г.С.Когарян, А.С.Когарян, М.Мид, Б.Ланин, Ж.Ванье, И.В.Бестужев-Лада и другие.

Так, оценивая потенциальный уровень и реальную степень родительского влияния, известный исследователь И.Кон учитывает следующие факторы:

1. Возраст ребенка. В раннем детстве ключевой для малыша фигурой, как правило, бывает мать. Затем с ней сравнивается и иногда перевешивает ее влияние отец.

2. Пол ребенка. Родители по-разному и с разным успехом воспитывают детей своего и противоположного пола.

3. Наличие других агентов социализации, как внутри семьи, так и вне ее.

4. Специфические особенности межпоколенной культуры в данном обществе в данный исторический период.

5. Многочисленные и совершенно неизученные компенсаторные механизмы самой социализации, уравновешивающие или сводящие нанет многие воспитательные усилия: например, эффект встречной ролевой дополнительности, когда ребенок имеет перед глазами хороший родительский пример, но не вырабатывает у себя соответствующих навыков, т. к. семья в них не нуждается, родители все делают сами.

Незаменимая роль семьи отмечается в исследованиях, касающихся негативных проявлений в неполных семьях. По данным юридических исследований прослеживается связь между неполной семьей и противоправным поведением подростков;

43-50% правонарушителей воспитывались в такой семье.

Сравнивая детей, выросших в семьях с отцами и без оных, исследователи обнаружили, что даже «незавидный», «некомпетентный» и часто невнимательный родитель очень важен. Во всяком случае, его отсутствие весьма отрицательно сказывается на детях. Дети, выросшие без отцов часто имеют не только пониженный уровень притязаний. У них, особенно у мальчиков, выше уровень тревожности и чаще встречаются невротические симптомы. Мальчики из неполных семей труднее налаживают контакты со сверстниками. Отсутствие отца сказывается отрицательно на учебной успеваемости и самоуважении детей, опять же, особенно у мальчиков. Таким детям труднее дается усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения, поэтому они чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость и т. д.

В фундаментальном исследовании «Социальная реабилитация дезадаптированных детей и подростков в специализированном уч-реждении» (рук. авторского коллектива Г.М. Иващенко) основательно описаны психологические особенности детей и подростков, воспитывающихся вне семьи или в неблагоприятных семейных условиях, а именно:

- агрессивность, стремление обвинить окружающих, неспособностью конструктивно разрешить конфликты – есть следствие неудовлетворенной потребности в родительской, материнской любви. У таких детей не удовлетворены и все другие социальные потребности – в неформальном общении, в самоутверждении, во взрослом как идеале и т. п. – и именно эта тотальная неудовлетворенность ведет их к агрессивности;

- у детей, воспитывающихся вне семьи, искажается процесс становления «Я – концепции». Американский психолог Р.Д. Бернс подчеркивает, что формирующаяся вследствие материнской депривации «Я – концепция» часто оказывается полностью лишенной позитивного содержания и поэтому становится крайне уязвимой и защищает себя с помощью агрессии и враждебности к дру-

гим людям. По Эриксону, у ребенка в этом случае не образуется необходимое базовое доверие к окружающему миру;

– возникновению агрессивных реакций способствуют дефекты в становлении самоидентичности: неустойчивость, спонтанность, противоречивость и неопределенность «Я – концепции», что порождает постоянное переживание глубокого эмоционального дискомфорта;

– дети, растущие вне семьи, часто испытывают дефицит социального признания собственной ценности со стороны окружающих, что затрудняет нормальное развитие их личности. Такой глубокий эмоциональный дискомфорт, как правило выливается в депрессию;

– по мнению ученых-физиологов В.С. Ротенберга и С.М. Бондаренко, отклоняющееся от норм девиантов поведение детей и подростков, включая немотивированные приступы жестокости, в ряде случаев может быть проявлением направленно ориентированной поисковой активности. К этой позиции близка концепция немецкого психотерапевта Г.Аммона. Он полагает, что всякий человек рождается с потенциалом так называемой конструктивной агрессивности, т. е. стремлением освоить и изменить окружающий мир, творчески реализовать себя. При нормальном развитии конструктивная агрессивность ведет к творчеству и гармоническому самосовершенствованию человека. При дефектном воспитании конструктивная агрессивность преобразуется в деструктивную, поскольку вне зависимости от знака – положительного или отрицательного – потенциал агрессии должен найти свой выход для сохранения физического и психического здоровья. Идеи В.С. Ротенберга, С.М. Бондаренко и Г.Аммона весьма важны для понимания сущности типа агрессивности у детей, воспитывающихся вне семьи, и поиска способов ее преодоления на пути перевода доконструктивной агрессии в конструктивную;

– скудность, граниченность конкретно-чувственного опыта у детей, воспитанных вне семьи, отрицательно отражается на формировании их наглядно-образного мышления, приводит к схематичности, абстрактности, рассудочности мышления ребенка, препятствует становлению творческой стороны мышления;

– наблюдение за детьми свидетельствует о сравнительно низком уровне развития у них саморегуляции, недостаточной развитости произвольности поведения, самостоятельности. У них доминируют желания, непосредственно связанные с их повседневной жизнью – их, как правило не

волнуют моменты, выходящие за рамки их личного опыта.

– социально-психологическая дезадаптация подростков, в приюте, выражается в широком спектре личностных деформаций. У них искажено нравственное сознание – понятие о добре и зле, ограничен круг потребностей, примитивный характер носят интересы. Они живут не по нормам, принятым в обществе как нравственные, а по правилам, действующим в группе, к которой они прибились на улице. Они ценят физическую силу, изворотливость, злость, власть над другими, бесперомонность, умение найти выход из любого положения, приспособиться к любым условиям, держать язык за зубами.

Наконец, Бестужев-Лада говорит о ключевом общественно значении института семьи в широком историко-философском плане: «На протяжении десятков тысячелетий существования рода homo sapiens образование подрастающего поколения производилось в основном в рамках сложной (многопоколенной) семьи старого типа – сначала матриархальной, затем – патриархальной, что в данном случае безразлично. Остальные формы социальной организации образования всегда и везде играли сравнительно незначительную, вспомогательную роль... В сложной семье старого типа представители разных поколений жили и трудились совместно, имея общее время и пространство труда, быта, досуга. Опыт показывает, что это – единственная реальная возможность обеспечить преемственность поколений, не допустить губельного для общества разрыва между ними. В этой семье передавались по наследству от поколения к поколению профессия родителей (от отца – к сыну, от матери – к дочери), идеология, мировоззрение, все формы общественного сознания родителей, стереотипы сознания и поведения, определяющие культурный облик людей, наконец, шло полноценное воспитание и обучение будущих отца и матери семейства. В результате к моменту наступления физиологической зрелости подростка синхронно наступала и социальная зрелость: парень, девушка были полностью готовы к созданию собственной семьи без малейшего родительского иждивения – эффект, непостижимый ни при каких, даже самых лучших современных системах образования. Уже один этот факт заставляет искать аналоги такого естественного (пусть даже квазиестественного) положения вещей – разумеется, модифицированные сообразно особенностям современности, коль скоро прямой возврат в прошлое сегодня заведомо утопичен, т. е. катастрофичен, даже если

бы был возможен. Предлагаемая философия образования подтверждает порочность пресловутого школоцентризма: школа оказывается не только не единственной, но даже отнюдь не первостепенной по важности подсистемой системы народного образования. Вырисовывается не менее полдюжины равнопорядковых подсистем, некоторые из которых не менее, если не более, важны, чем школа».

Заметим, в этой цитате два чрезвычайно важных момента. Во-первых, И.В. Бестужев-Лада описывает семейный устав, который безвозвратно ушел (или уходит) в прошлое, возврата к нему не может быть, и потому авторский пафос тут – не об определенном типе семьи, а о семье как таковой, вообще об институте семьи. Во-вторых же, проводится та, на наш взгляд, плодотворная мысль, что школьная педагогика в сравнении с семейной имеет ничтожно малый общественный эффект.

По поводу традиционной переоценки воспитательной роли школы пишет В.Г. Степанов, анализируя современную российскую ситуацию. Так, он полагает, что, к сожалению, многие родители считают, будто воспитание их детей – это дело только школы, а они заняты работой. Чем вызвано такое отношение? Во-первых, конечно, тем, что родители теперь вынуждены много трудиться, чтобы содержать семью. Но такое мнение существовало и десятки лет назад. Поэтому следует сказать, пишет В.Г. Степанов, о влиянии тоталитарной идеологии на сознание граждан. Считалось, что родители являются носителями дореволюционных взглядов и всевозможных буржуазных пережитков. Они не смогут воспитывать граждан нового, коммунистического общества. Когда в послесталинский период получили широкое распространение школы-интернаты, ожидалось, что обучавшиеся в них дети станут счастливыми и правильно мыслящими людьми. Оказалось, что большинство школьников переживало даже временную разлуку с родителями как величайшее несчастье. В наше время вновь возвращается осознание важности и незаменимости родителей, семьи. Но многие педагогические не подготовленные родители не понимают этого, придерживаясь устаревших взглядов.

В психологии есть такая область как изучение типологических особенностей семей, где предлагаются различные типологии моделей семьи. Различают некие основные формы семьи, которые в принципе можно свести к трем базовым типам: патриархальной семье, где власть принадлежит мужу, матриархальной семье, где власть принадлежит жене, эгалитарной семье, где власть равномерно распределена между мужем и женой.

И если объединить первые два семейных типа в их противопоставлении третьему типу, то мы получим, в сущности, два базовых семейных типа современной эпохи. Это – патерналистская или авторитарная семья, где четко обозначен глава семьи (неважно, мужчина или женщина), и демократическая семья, основанная не на командных отношениях, а на отношениях личностного равноправия и партнерства.

Говоря об авторитарном семейном типе, И. Кон особо подчеркивает эмоциональный тон, который существует в отношениях между родителями и детьми в семьях этого типа. А именно: основными средствами воспитания в таких семьях являются строгость и наказание. И психологические исследования доказывают недопустимость подобного подхода. Ребенок, лишенный недвусмысленных доказательств родительской любви, как правило, утрачивает самоуважение, дружественные отношения с другими людьми. Изучение юношей и взрослых, страдающих психофизиологическими и психосоматическими нарушениями, невротическими расстройствами, трудностями в общении, показывает, что все эти явления неизмеримо чаще наблюдаются у тех, кому в детстве недоставало родительского внимания и тепла. И главное – у таких детей развиваются стереотипы насилия, возникает неосознанная взаимная враждебность. Эта враждебность может проявляться как явно, по отношению к самим родителям, так и скрытно. «Безотчетная, немотивированная жестокость, проявляемая некоторыми подростками и юношами по отношению к посторонним людям, не сделавшим им ничего плохого, нередко оказывается именно следствием детских переживаний. Если же эта бессильная агрессия направляется внутрь, она дает низкое самоуважение, чувство вины, тревоги и т. д.

По этому поводу В.Г. Степанов отмечает, что «психологическая жестокость оказывается не менее вредной, чем физическая. Такое бесчеловечное и злобное неуважение родителем чувства собственного достоинства ребенка названо «душегубством». Оно преднамеренно направлено на подавление у ребенка чувств радости, любви и идентичности. При этом происходит нарушение структуры личности, поведения и его социальной сущности. Жестокость создает основу для хронического психогенного травмирования, нередко вызывающего вторичные аффективные криминальные действия». Как тут не вспомнить Э.Фромма с его «авторитарной совестью», разрушающей личность? В этой связи Г. Элдер прямо обвиняет авторитарные семьи в формировании в них личностей зависимых, склонных к

слепому послушанию, т. е. личностей с принципиально неценностным сознанием.

Наилучшие же взаимоотношения детей с родителями складываются обычно тогда, когда родители придерживаются демократического стиля воспитания. Поведение ребенка в демократических семьях направляется последовательно, гибко и рационально:

(1) родитель всегда объясняет мотивы своих требований и поощряет их обсуждение с подростком;

(2) власть используется лишь в меру необходимости;

(3) в ребенке ценится как послушание, так и независимость;

(4) родитель устанавливает правила и твердо проводит их в жизнь, но не считает себя непогрешимым;

(5) он прислушивается к мнениям ребенка, но не исходит только из его желаний.

Однако, демократический стиль не должен превращаться в свою крайность – в либеральную всетерпимость, ибо такой перегиб вызывает у подростка ощущение, что родителям нет до него дела, кроме того, пассивные, незаинтересованные родители не могут быть предметом подражания и идентификации, а другие влияния – школы, сверстников, средств массовой коммуникации – часто не могут восполнить этот пробел, оставляя ребенка без надлежащего руководства и ориентации в сложном и меняющемся мире.

Разумеется, деление семей на авторитарный и демократический типы огрубляет реальную ситуацию. И это хорошо понимают те психологи и психотерапевты, которые стремятся нюансировать каждый из этих типов с тем, чтобы максимально приблизить его к реальной семейной статистике, существующей в разных странах и культурах. Так, что касается определения лидерства в семье, то есть исследования авторитарного семейного типа, то эксперты здесь отнюдь не ограничиваются простым указанием на наличие главы семьи, а различают три варианта:

(1) наличие явного фактического главы семьи;

(2) наличие формального главы при фактическом равноправии родителей;

(3) семьи с неопределенным понятием главы. Более того, эксперты социологизируют каждую из этих проявлений, привязывая, например, семьи второго типа преимущественно к городам, а семьи первого типа – к сельской местности.

Э.Фромм же придерживается мнения о необходимости именно материнско-отцовского парите-

та в воспитательной задаче семьи. Он считает, что свою лепту в воспитательный процесс должны внести каждый по-своему, оба родителя, ссылаясь на психологические особенности материнской и отцовской любви к своим детям. Мать дает ребенку веру в жизнь, она сама не должна быть тревожной. У нее должно быть желание, чтобы ребенок со временем стал независимым и отделился от семьи. После шести лет ребенок начинает заметно нуждаться в отцовской любви, его руководстве. Если мать обеспечивает ребенку безопасность в жизни, то отец учит решению социальных проблем. Любовь отцовская способствует развитию у ребенка чувства собственной силы и позволяет ему в конце концов стать авторитетом для себя, освободившись от авторитета отца. Взрослый человек соединяет в себя казалось бы противоположные сознания отца и матери. Если бы он ориентировался только на сознание отца, то был бы злым и бесчеловечным, а одностороннее возобладание материнского сознания привело бы зрелого человека к потере здравого рассуждения и препятствиям в развитии себя и других. Синтез материнской и отцовской привязанности в сознании ребенка – основа его духовного развития и зрелости. Слабое их синтезирование приводит детей к неврозам.

Когда психологи, пытаясь проследить истоки самого феномена преступности, указывают на ущербные семьи, по их мысли, исправно поставляющие обществу потенциальных преступников, людей с асоциальным инстинктом, они совершенно правы, однако указывают, опять – таки, лишь самое очевидное проявление корневой причины, в то время как сама последняя остается в тени. Да, опасны для здоровья общества неполные семьи, либо такие, где родители заслуживают лишения родительских прав, ибо в них, действительно, есть большая вероятность развития у подростков разнообразных комплексов неполноценности, которые и будут так или иначе изживаться на обществе, в виде ли уголовных преступлений, семейного тиранизма, либо все общество окажется заложником комплекса человека из ущербной семьи, если он вдруг станет общественным или государственным деятелем. И уже то, что психологи видят и популяризируют эту проблему, обещает эффективную профилактику данного канала преступности: свети к минимуму число неблагополучных семей можно реализацией соответствующих государственных программ, которые предусматривали бы прежде всего экономическое оздоровление общества и уже на этом фоне – какие-то специальные, дифференцированные меры по поддержке семьи.

В отечественной литературе существуют разные точки зрения на проблему неблагополучных семей, на то, что такое неблагополучная семья и на то, какова должна быть типология неблагополучных семей.

Так, Л.С. Алексеева предлагает следующую классификацию неблагополучных семей: конфликтная, аморальная, педагогически некомпетентная и асоциальная семьи. Г.П. Бочкарева говорит о трех типах неблагополучных семей:

(1) семья с неблагополучной эмоциональной атмосферой, где родители не только равнодушны, но и грубы, неуважительны по отношению к своим детям, подавляют их волю;

(2) семья, в которой нет эмоциональных контактов между ее членами, безразличие к потребностям ребенка при внешней благополучности отношений, когда ребенок стремится найти эмоционально значимые отношения вне семьи;

(3) семья с нездоровой нравственной атмосферой, где ребенку прививаются социально нежелательные потребности и интересы и где он вовлекается в аморальный образ жизни.

А вот варианты З.В. Баерунаса:

(1) отсутствие сознательного воспитательно-го воздействия на ребенка;

(2) высокий уровень подавления и даже насилия в воспитании, истощающий себя, как правило, к подростковому возрасту;

(3) преувеличение из эгоистических соображений самостоятельности ребенка;

(4) хаотичность в воспитании из-за несогласия родителей.

В свою очередь А.Е. Личко дает четыре неблагополучных семейных типа:

(1) гиперопека различных степеней – от желания быть соучастником всех проявлений внутренней жизни детей (его мыслей, чувств, поведения) до семейной тирании;

(2) гиперопека, нередко переходящая в безнадзорность;

(3) ситуация, создающая «кумира» семьи с постоянным вниманием к любому побуждению ребенка и неумеренной похвалой за весьма скромные успехи;

(4) ситуация, создающая «золушек» в семье, что ведет к увеличению количества черствых и жестоких подростков. Наконец, Б.Н. Алмазов считает, что «трудных» детей поставляют семьи следующих четырех типов:

(1) семья с недостатком воспитательных ресурсов, то есть разрушенная или неполная семья, с недостаточно высоким уровнем развития роди-

телей, не имеющих возможность оказывать помощь детям в учебе, семья, где подросток и юноша тратят много времени и сил на поддержание ее материального благополучия, словом, подобные семьи хотя и необязательно выпускают в жизнь «трудных» детей, но создают неблагоприятный фон для воспитания молодежи;

(2) конфликтная семья, где, либо родители не стремятся исправить недостатки своего характера, либо один родитель нетерпим к манере поведения другого и где дети часто держатся оппозиционно, подчас конфликтно – демонстративно, а более старшие протестуют против существующего конфликта, встают на сторону одного из родителей;

(3) нравственно неблагополучная семья, среди членов которой отмечаются различия в мировоззрении и принципах организации семьи, стремление достичь своих целей в ущерб интересам других, использование чужого труда, стремление подчинить своей воле другого и тому подобное;

(4) педагогически некомпетентная семья – в ней надуманные или устаревшие представления о ребенке заменяют реальную картину его развития, например, уверенность в возможности полной самостоятельности ребенка, ведущая к безнадзорности, вызывает у последнего дискомфорт, эмоциональную напряженность, стремление оградиться от всего нового и незнакомого, недоверие к другому человеку¹. Со своей стороны англичанин М.Раттер полагает, что «трудные» дети – это результат семейных травм: конфликтов в семье, недостатка родительской любви, смерти одного из них, родительской жестокости или просто непоследовательности в воспитании, нахождения в детском доме и т. д. и т. п. Идея М. Раттера – в том, что дети нередко усваивают не только положительные, но и отрицательные образцы поведения родителей, порой доводя их до крайностей, и если старшие в семье призывают к честности, а сами лгут, к сдержанности – а сами вспыльчивы и агрессивны, то ребенку предстоит сделать выбор, и он всегда в этих условиях будет протестовать против требований вести себя образцово, если родители сами этого не делают.

Как видим, перечисленные авторы довольно тонко подходят к самому понятию семейного благополучия, во всяком случае у них это не только неполная семья, либо семья алкоголиков, либо криминализованная семья. И по этой причине становится неочевидным и понятие семейного благополучия. И названные исследователи дают понять, что за внешним благополучием в семье (где есть оба родителя, дети, где как будто бы выполняются все семейные роли) зачастую скрывается то самое

неблагополучие, о конкретных приметах которого эти исследователи и говорят и которые проявляются, если судить по всем этим приметам, прежде всего во властно-патерналистской идеологии семьи. А между тем сама эта идеология, доминирующая в мире, и остается за пределами внимания психологов и педагогов. Вот эта властно-патерналистская семейная идеология как идеология подавления, насилия и является первопричиной неизбывности в мире насилия как факта и даже как ценности, первопричиной самого феномена преступности, феномена асоциальности во всех его разнообразнейших проявлениях. И тут уже не поможет разработка никаких государственных программ, никакое административное, даже «экономическое чудо», ибо должна кардинально измениться общественная идеология, должно кардинально измениться массовое сознание, а это требует времени. Впрочем, вероятно уже и сегодня можно было бы более менее четко проследить соответствие между уровнем преступности (асоциальности) в той или иной стране и статистически доминирующим в ней типом семейного уклада. И можно было бы почти наверняка предсказать, что там, где семья тяготеет больше к демократическому, чем властно-патерналистскому укладу, уровень преступности невелик. Например, есть любопытные социологические данные по некоторым графствам Англии (правда, немногочисленным, насчитывающим каждое несколько сот тысяч человек), о том, что полиции там буквально нечего делать, в полицейской статистике десятки лет отсутствует графа «тяжкие преступления» (убийство, изнасилование). И с другой стороны, как раз английские семьи отличаются приверженностью демократическому укладу, не распущенности, когда все дозволено, а именно демократизму – строительству семейных отношений на основе личностного равноправия.

Так, П. Бюхнер, Г.Г. Крюгер и М. Дюбуа, проанализировав данные, полученные в результате всестороннего изучения 12-летних детей и их родителей помимо Великобритании еще в трех европейских регионах (Западной Германии, Восточной Германии и Нидерландах), пришли к выводу, что «за последние несколько десятилетий отношения между родителями и детьми изменились от построенных по модели подчинения авторитету к отношениям, основанным на периодическом заключении договоров и возникающей параллельно перестройке баланса власти в родственных связях. Женщины, так же, как и дети, добились большей свободы в личных и общественных делах, позволяющих им жить собственной жизнью».

Есть мировая статистика детской увечности, в том числе тяжелой, даже смертности в результате внутрисемейных «разборок», когда родители, не задумываясь, применяют силу в ответ на детские «упрямство», «дерзость», «невыполнение каких-то команд», «пререкания». И уже сам факт фиксации такой статистики свидетельствует, что речь идет не об отдельных случаях, а о социальной проблеме. Правда, социологи и психологи склонны интерпретировать эту проблему в том духе, что-де в современном «быстром» мире нервная система человека именно так, аффективно, реагирует на связанные с ускоренным ритмом жизни психологические перегрузки. Конечно, воздействия на человеческую психику быстрого жизненного ритма нельзя сбрасывать со счета. Однако, не стоит его и преувеличивать. В конце концов, никто еще не доказал, что сама по себе интенсификация жизни, способна вызвать какие-то нарушения психики, в частности, неадекватную, неконтролируемую агрессивность. Ссылаются на некое косвенное свидетельство: в современном мире резко увеличилось количество нервных и психических заболеваний. Но если даже и так, то не свидетельствует ли это совсем о другом о том, что просто медицинская наука, психиатрия стали гораздо эффективнее, значительно улучшилась диагностика, повысилась соответствующая информированность общества, что и привело к росту числа людей, обращающихся за врачебной помощью, т. е. к выявлению дополнительного контингента больных, какой раньше считался бы здоровым? Но зато абсолютно точно установлена причинно-следственная связь между испытанием человека насилием и разрушением его психики, формированием у него немотивированной, неадекватной агрессивности. Примеры: «вьетнамский синдром» в американском обществе, «афганский синдром» – в советском, а теперь и «чеченский синдром» – в российском.

Так, что как не банально звучит формула «насилие порождает только насилие», но она очень верна, и причину фиксируемого социологами явления прямого насилия в семье над детьми скорее всего не следует искать «на стороне», в чем-то внешнем для людей – непосредственных участников подобных семейных драм и трагедий. Скорее всего эти люди сами и строили свои семейные отношения по принципу насилия. Когда «ружье» могло «выстрелить» в любой момент и самому пустяковому поводу. Этот вывод, в сущности повторяющий проведенное ранее представление Ж. Ванье об исключительно семейном источнике разнообразных проявлений насилия в обществе, лишь под-

тверждается в различных исследованиях данной проблемы, пусть даже такие исследования и не формулируют прямо указанный вывод и, более того, косвенно спорят с ним.

Подчеркнем еще раз, что по имеющейся статистике физическое насилие в семье над детьми – это мировая проблема, а не отдельных «неблагополучных» регионов, отдельных «неблагополучных» обществ, и это проблема семьи как таковой, а не только «неблагополучных» семей (неполных, тех, где родители – алкоголики и т. п. Значит, коль скоро статистика именно такова, то и приходится говорить о принципиальной порочности традиционной семейной идеологии, традиционного семейного уклада, приходится констатировать принципиальную деформированность современной семьи.

Эта деформированность семейных отношений улавливается многими исследователями. Однако, если резюмировать впечатление от уместной здесь социологической, педагогической и психологической литературы, то в ней осознание принципиального неблагополучия в институте семьи все-таки не переходит в направленный поиск первопричины такого положения дел, как-то размывается в картинках поверхностных, очень опосредованных, наконец, просто случайных проявлений того, что называют «деформацией современной семьи». И перед нами, как правило, столь же верное, сколь и мало конструктивное описание вроде того, что даже формально благополучные семьи часто оказываются педагогически несостоятельными, не выполняют таких важнейших функций, как эмоциональная поддержка своих членов, формирование чувства психологического комфорта и защищенности, что формально объединенные под одной крышей члены семьи и особенно дети оказываются в действительности разобщенным, испытывая чувство одиночества и непонятности, что этим детям не хватает родительского тепла, а их взаимодействие с родителями не носит направленного на конкретную деятельность характера, детей и родителей не связывает общее любимое дело, что родители реже делятся своими переживаниями и между собой (нарушены эмоциональные отношения), а это отрицательно влияет на формирование таких социально значимых качеств, как стабильности самооценки, самостоятельность, склонность к адекватному общению и что такие нездоровые отношения в семье являются одним из ведущих факторов, формирующих асоциальную направленность подростков. Этому свидетельствуют результаты нашего исследования.

Исходя из результатов нашего исследования, подросткам с асоциальной направленностью не хватает родительского тепла, взаимодействие родителей с детьми не носит направленного на конкретную деятельность характера, их не связывает общее любимое дело, хобби. Особенно следует остановиться на детях, склонных к бродяжничеству. Вот здесь уж налицо весь «букет» деформаций в отношениях родителей с детьми:

– эти дети дома часто предоставлены сами себе, на них не обращают внимания;

– родители часто проявляют к своим детям насилие физическое или словесное;

– родители редко занимаются совместно с детьми каким-то делом, редко обсуждают проблемы своих детей и редко радуются их успехам;

– особенно существенно деформированы отношения с отцом: чем больше асоциальность, тем они менее доброжелательны. У детей, склонных к воровству, эти отношения более субъективны и ситуативны; у детей, склонных к спекуляции – более безразличны и недоброжелательны; у детей, склонных к агрессии, – менее безразличны и более враждебны. Отношения с другими членами семьи дедушкой и бабушкой, отношения с учителем менее предпочтительны, чем семья. Из этого можно сделать вывод, что семья более комфортное место для подростков любой направленности.

У асоциальных подростков родители чаще пьют в присутствии детей, реже делятся друг с другом своими переживаниями, чаще ссорятся, скандалят и дерутся. Дома перед глазами полный портрет негативного взаимодействия родителей, которые редко делятся друг с другом своими переживаниями, часто каждый из них живет сам по себе, они чаще (чем в средней семье) пьют, ссорятся, скандалят и дерутся друг с другом.

Поскольку наше исследование указывает на деформированность семейных отношений, их весьма слабую воспитательную отдачу для детей, перенести средоточие, основной центр общественного воспитания из семьи в специальные общественные и государственные учреждения – школы, различные молодежные организации, спортивные центры и т. д. и т. п., словом, места, где образуется молодежный (подростковый) коллектив, с которым, следовательно, можно работать, на который можно влиять. Логика простая: семья плохо справляется с воспитательной задачей – надо искать другой институт воспитания.

Однако, так вопрос не может стоять в принципе. Воспитательное воздействие семьи на ребенка нельзя заменить ничем, ибо воздействие это

носит не столько социальный, сколько биологический характер. Задумаемся, случайно ли примерное совпадение того возраста, в котором ребенок в семье усваивает язык, и того, в котором, по мнению психологов, в ребенке уже заложена «личностная программа», впоследствии лишь развертывающаяся. А ведь семья собственно и выступает механизмом усвоения ребенком языка, и коль скоро такой механизм вообще есть и сосредоточен он именно в семье, то он не социален, а биологичен. Так почему же не предположить, что семья – это и уникальный (биологический) механизм «делания» личности.

С этой точки зрения все упования на сколько-нибудь серьезный воспитательный эффект специальных общественных и государственных учреждений заведомо беспочвенны.

Психологи и педагоги констатируют, что школа как была, так и осталась местом передачи детям набора знаний, умений, навыков, а не формирования у подростка системы ценностей, мотивов и отношений, т. е. всего того, из чего и складывается личность. По результатам нашего исследования подростки считают, что в учебе они меньше всего реализуют себя лично (по сравнению с семьей, досугом и сверстниками во дворе), более того, именно в школе они испытывают недостаточное уважение к себе как к личности.

Также констатируется, что общественные детские и молодежные организации (в бывшем пионерская и комсомольская) на сегодняшний день непопулярны среди подростков по своим целям и идеалам, не создают условий для социального творчества, позволяющего подростку осознать себя как личность, самоутвердиться, развить интересы и способности.

Такого же положение и с учреждениями досуга и культуры, которые либо удовлетворяют простейшие потребности подростков в эмоциональном возбуждении и развлечении, закрепляя их потребительское, праздное отношение к жизни, либо, если эти учреждения пытаются нести высокие ценности, вообще отвращают молодежь от посещений концертных залов, парков отдыха, домов культуры и т. п.

Наконец, учреждения спорта, несмотря на всякие декларации типа «в здоровом теле здоровый дух» прямо и однозначно нацелены на физическое развитие и только, и подростки воспринимают спортивные секции местом, где можно накачать мышцы, освоить приемы бокса, каратэ и т. п., чтобы в определенной среде с успехом «утвердиться» и «реализовать себя» среди сверстников.

Что же касается, например, таких учреждений, как комиссии по делам несовершеннолетних в качестве главного координирующего органа предупреждения правонарушений подростков, то на практике эти комиссии с большим трудом справляются лишь с рассмотрением материалов о несовершеннолетней преступности. А там, где преступность, естественно, вступают в свои права соответствующие органы. И получается, что основная работа по профилактике преступности и бродяжничества возлагается все-таки на органы МВД. Опасность такого подхода в работе с несовершеннолетними очевидна. Ненормально, что воспитанниками приемников-распределителей традиционно занимается служба уголовного розыска, имеющая совершенно иные задачи и использующая привычные для нее меры и методы к подросткам, которые требуют совершенно иного отношения. Милицейские методы – это, конечно, не профилактика правонарушений: ведь 87% работников инспекций по делам несовершеннолетних видят резервы повышения эффективности борьбы с правонарушениями именно в ужесточении наказания. Да и в приемниках-распределителях, специальных учебно-воспитательных учреждениях, воспитательно-трудовых колониях и т. д., как бы специально созданных для исправляющего, корректирующего воздействия на личность подростков, отличающихся стойкими негативными деформациями, изоляция, строжайшая регламентация и непрерывный контроль, а также постоянный контакт с большой массой асоциальных подростков крайне редко действительно приводят к исправлению «трудного» подростка – как правило, еще больше усугубляются различные личностные деформации, которые становятся более стойкими, а в ряде случаев и необратимыми.

Эта фатальная неудача организовать силами общества и государства воспитательный процесс все-таки наводит на мысль, что винить здесь только организационную некомпетентность – значит попросту признать некомпетентность отличительной чертой данного общества (неудач так много, что они не укладываются в картину нормального статистического разброса результатов). Скорее всего, здесь нерешаемая задача в принципе, во всяком случае так, как она формулируется. И тут, быть может, уместна аналогия с проблемой искусственного интеллекта. Сегодня в связи с впечатляющими успехами в области информационных наук, информационной технологии, компьютерной техники и специалисты, и неспециалисты спорят, создан ли искусственный интеллект, т. е. можно ли машин-

ный (компьютерный) информационный процесс рассматривать как мышление, человеческий интеллект. И решив поставить в этом споре точку, американский психолог Дж.Ричлак доказывает в конкретном сравнительном анализе (по четырем уместным основаниям) человека и компьютера, что искусственный интеллект не только не создан, но и создать его невозможно в принципе: невыполнима сама задача – заменить человеческое мышление компьютерным процессором; работа обоих осуществляется по принципиально разным законам. Вот когда изменена задача, когда компьютерный процессор не претендует на звание «мышление», тогда он необходим и полезен – не как конкурент и «заменитель» человека, а лишь в дополнение к человеку. Подобным образом, когда общество и государство претендуют подменить семейный механизм воспитания (из-за «деформации семьи») «организованным» воспитательным процессом, ожидаемого эффекта, естественно, не наблюдается. Но когда претензии снижаются, и «организованное» воспитание занимает подобающее ему в обществе место – только некоего дополнения к семейному воспитанию, некоего «продолжения», некоей поддержки семьи, – различные воспитательные учреждения обнаруживают свою полезность и необходимость, именно тем, что как-то помогают семье (базовому в обществе воспитательному институту), и ничем иным, не подменой ее.

Отсюда вывод: если в современном мире семья действительно «деформирована», то все равно не помогут никакие воспитательные организации и учреждения – они не исправят семейную «деформированность», а напротив, ее же и будут транслировать в общество, как мы в этом только что убедились на приведенном материале. Нужно принципиально другое: не просто констатировать деформированность семейных отношений и с этим сознанием «катастрофы» придумывать какие-то пожарные меры, а понять природу неблагополучия современной семьи, понять, чем это неблагополучие питается, и действовать уже соответственно. Между тем в мире, во всяком случае, в развитых странах есть понимание, что гораздо эффективнее идти по пути создания не идеологических «центров», призванных преподавать обществу «правильные ценности» (с возложением этих функций, скажем, на СМИ, какие-то другие специальные структуры), а именно разнообразных психологических служб, ориентированных на психологический, т. е. доверительный, а потому и эффективный в воспитательном отношении контакт с людьми, прежде всего, конечно, с подростками. И

уже сам этот тип воспитательной работы косвенно признает семью в качестве «образцового», фундаментального воспитательного механизма, ибо профессиональное общение с человеком на основе доступа к его психологии и есть попытка моделировать внутрисемейные отношения, которые представляют собой по сути взаимоотношения психологии в чистом виде.

Собственно состоявшаяся семья – та, где психологический климат характеризуется взаимной доверительностью, а несостоявшаяся – где такой доверительности нет. Сошлемся на А.В. Петровского: «Семья, три – четыре человека, соединенных родственными связями, могут стать, а могут и не стать коллективом в зависимости от того, какой характер приобретут межличностные отношения. Будет ли это конфронтация, сосуществование или соучастование и сотрудничество». И далее А.В. Петровский поясняет все три семейных типа: «Конфронтация как тип отношений в семье – это противоборство супругов, столкновение их взглядов.

В центре таких столкновений чаще всего оказываются вопросы воспитания детей. Сосуществование как тип отношений в семье характеризуется следующим. Внешне семья живет вполне благопристойно: взрослые работают, дети учатся. Но каждый живет своей жизнью. Главная черта таких отношений – невмешательства в дела друг друга. Даже родители предпочитают не вмешиваться в дела детей. Обособленность миров ребенка и взрослых нередко буквально декларируется, под это подводится «педагогический» фундамент – пусть растет самостоятельным, независимым, раскованным, свободным... Совсем иная картина в семьях, которым присущи отношения сотрудничества. Им характерны единство или близость взглядов, устремлений, интересов, взаимопомощь, сплоченность, соучастие».

Любопытно, что в описании А.В.Петровским типа семейных отношений по принципу сосуществования узнается семейный тип, По мнению многих экспертов, весьма ныне распространенный на Западе (в постиндустриальной культуре), прежде всего в США. Это несомненно демократический тип, но с тем изъяном, что демократия здесь возникает из завоевания каждым членом семьи собственной экономической (социальной) самостоятельности, т. е. из взаимного на данной основе большего или меньшего отчуждения. И в этой связи, также любопытна констатация в советской литературе успешного семейного строительства в СССР: «Семейных коллектив основывается также на равноправии своих членов. «Вспомните, – об-

ращается к классу учитель, кто в современной советской семье является главой». Да, в нашей стране почти полностью ушла в безвозвратное прошлое отцовская семья, где мужу принадлежало безраздельное господство. И хотя, по данным Всесоюзной переписи 1970 г., главенство принадлежит мужу в 18% семей, жене – в 13% семей, это главенство чаще всего осознает ответственность за всех членов семьи, а не господства над ними. Равноправие в семье относится не только к супругам, но и ко всем ее членам. В этом одно из ее основных отличий от семьи буржуазной».

Самое интересное, что эта констатация во многом правдива. Действительно, в советском обществе если и не преобладал явно, то во всяком случае был заметно распространен, казалось бы, наиболее желательный, наиболее передовой семейный тип – не просто демократический, но сотруднический. Однако на какой объективно основе? На основе одинаково низких для каждого из членов семьи экономических возможностей. Эта равная недоступность для каждого реальной экономической самостоятельности и толкала всех навстречу друг другу уже в чисто человеческом, эмоциональном, духовном плане. И более того, такой семейный коллектив был открыт, по той же логике, подобным же семейным коллективам. Так что общество в самом деле формировало у людей коллективистское сознание, однако складывалось оно, как говорится, не от богатства, а от нужды, от общей экономической бедности, от равной отчужденности каждого от «общенародной» собственности. Поэтому и было вполне предсказуемо, что как только перед людьми забрезжила сама возможность «запретного плода», как-то приобщиться к собственности, они и предпочтут это новое прежнему коллективизму. Именно такова здесь альтернатива. Должно было произойти и произошло определенное отчуждение семейных коллективов друг от друга, определенное отчуждение людей внутри семейного коллектива. Другой вопрос, какова тут статистика, и свидетельствует ли она о реальном изменении баланса в пользу «отчужденного» (сосуществовательного) семейного типа. Нам кажется, что подобное изменение статистически не могло быть уж очень значимым – все-таки сформировавшийся за десятилетия тип семейных отношений должен обладать определенной (а может и значительной) инерционностью.

Но все равно, психологически этот (заметный или не очень) сдвиг в обществе к взаимному отчуждению воспринимается далеко не лучшим образом, однако здесь непродуктивно рисовать «нрав-

ственную катастрофу», «криминализацию всего и вся», «засилье групповой морали «стай» и т. д. и т. п., поскольку нужно иметь ввиду, что такой сдвиг – прямой результат необходимой экономической перестройки страны, когда изменяется прежде всего семейный тип.

Именно изменение семейного типа в связи с экономическими переменами в постсоветской России – от сотрунического к сосуществовательному, – изменение, которое все-таки имеет место, хотя оно статистически и не фатально, и является, по нашему убеждению, фундаментальной причиной видимого общего неблагополучия с подростками, по словам Л.П. Бугеовой, «роста преступности, который перешел все мыслимые пределы, особенно среди подростков». И тут, действительно можно много привести удручающей статистики, но сошлемся лишь на свидетельство В.Л. Хайкина: «В Московский ОВД в 1983 г. было доставлено 20 тысяч несовершеннолетних правонарушителей, в 1987 г. эта цифра увеличилась уже до 32 тысяч человек, и в 1990 г. рост детской преступности лишь продолжился... Несовершеннолетние в 1990 г. (по сравнению с 1986 г.) совершили в 1,3 – 1,4 раза больше краж личного и государственного имущества, а что касается особо тяжких преступлений, то здесь темпы гораздо выше – в 1,5 – 1,6 раз (убийства, тяжкие телесные повреждения, грабежи и разбойные нападения). В 2000 году снижения правонарушений в подростковой среде не наблюдается. Снижаются возрастные границы многих видов преступлений, изменяется половой состав несовершеннолетних правонарушителей: среди них возрастает доля девочек. Тревожным симптомом является рост числа несовершеннолетних с отклоняющимся поведением, проявляющемся в уголовно наказуемых асоциальных действиях, таких, как алкоголизм, наркомания, токсикомания, половой аморализм, вандализм, нарушение общественного порядка».

И все же, статистические данные, сами по себе факты, непосредственное наблюдение – не основание для немедленного приговора, а лишь «информация к размышлению». Ибо, как было замечено великими мыслителями, в частности Галилеем и Гегелем, непосредственно наблюдаемые факты могут и обманывать (например, наблюдаемое «движение» Солнца вокруг «неподвижной» Земли) и, значит, задача исследователя (науки) состоит в том, чтобы не принимать безоговорочно наблюдаемое, а попытаться понять и объяснить, почему оно именно таково. Да, это истинная правда, что подростковая преступность (а значит, и вообще

преступность) была в доперестроечном СССР гораздо ниже, чем во времена перестройки и постперестроечный период. Но это был зримый результат не официальной идеологической пропаганды, не государственных систем воспитания и образования (дошкольного, школьного, вузовского), не деятельности официальных молодежных организаций (пионерской, ВЛКСМ), а по чисто экономическим причинам сложившегося советского семейного типа – построения семейных отношений на принципах сотрудничества. Но именно поэтому и не нужно «катастрофизировать» нынешнюю, действительно драматическую, российскую ситуацию с подростковой преступностью: такая ситуация развязана экономическими переменами, и развязана именно тем, что перемены эти должны были коснуться (и отчасти коснулись) того семейного типа, который сложился в советское время и который, как оказалось, с психолого-педагогической точки зрения вовсе не худший вариант.

Однако все же не стоит преувеличивать масштабы перестройки российской семьи. Исследования, проведенные нами в г.Оренбурге, дали быть может и неожиданный результат, показав, что «средний» оренбургский подросток в целом благополучен, поскольку наибольший психологический комфорт испытывают именно в семье, а не во дворе или в школе, а это означает благополучие в психолого-педагогическом смысле «средней» оренбургской семьи.

И если экстраполировать этот оренбургский результат на всю Россию (а у нас нет оснований считать Оренбург каким-то исключительным в России регионом), то мы вынуждены будем констатировать, что в «средней» постсоветской российской семье сохраняется отнюдь не самая плохая психолого-педагогическая атмосфера.

Но даже если и принять за истину, что произошло некоторое разрушение советского семейного типа, произошла, пусть даже статистически и не очень значимая, замена его сосуществовательным типом, то не случилось никакой катастрофы, никакого апокалипсиса, а просто Россия, если и дальше будет идти по пути необходимых ей реформ, неизбежно локализует преступность в тех же берегах, в каких та существует во всем цивилизованном мире с учетом, разумеется, нынешней современно-цивилизационной тенденции строительства семейных отношений. Пока же, в этом историческом «переходе», когда российская семья находится в процессе своей перестройки (в любом случае имеющей место), воспитательный механизм в обществе, естественно, испыты-

вает сбой с известными наблюдаемыми последствиями.

И вот очень характерная и обнадеживающая примета нынешнего «переходного» российского времени. Цитированный нами В.Л. Хайкин по поводу роста российской подростковой преступности красноречиво называет свою статью: «О задачах создания Московского центра социально-психологической поддержки детей и подростков». Иначе говоря, предлагается тот самый путь – создания психологических служб, – которым уже идет цивилизованный мир, где общество и государство стремятся воздействовать на человека не столько дидактически, сколько психологически, моделируя в таком воздействии именно семейные (как в чистом виде психологические) отношения и, разумеется, именно сотруднический, неотчужденный, доверительный их тип. Собственно, сам факт учреждения психологических служб и проясняет, какова ныне в современно-цивилизационной культуре тенденция строительства семейных отношений: тенденция эта отвечает сдвигу от сосуществовательного семейного типа к сотрудническому. Так что Россия, где не случайно только сегодня, в постсоветское время, возникла нужда в психологических службах (в советский период они были не нужны, поскольку государство пыталось контролировать воспитательный процесс принципиально иначе – чисто дидактически, вообще обращая мало внимания на как таковой семейный мир) и где уже предлагается этот опыт, тем самым и открывает для себя перспективу прийти к тому же, к чему движется ныне современная цивилизация – к сотрудническому семейному типу и, значит, перспективе резкого падения подростковой (а соответственно и взрослой) преступности.

Да, Россия в своей новейшей истории испытала как бы регресс в строительстве семьи, когда уже достигнутый в советское время сотруднический семейный тип стал уступать в какой-то степени сосуществовательному типу, однако в этом «отступлении» (если оно, конечно, будет статистически значимым) важно то, что теперь Россия (вместе с цивилизованным миром) может прийти к желанному типу семейных отношений не от экономической бедности, а благодаря, как мы это ранее выяснили, набирающему силу общемировому процессу демократизации человеческого сознания, вытеснения «племенной» ментальности ментальностью демократической, вытеснения идеологии, допускающей, банализирующей насилие, идеологией ненасилия.

И вот почему, если иметь ввиду весь этот контекст, казалось бы, столь рядовое, или во всяком

случае частное начинание, как учреждение психологических служб, приобретает поистине символическое значение, эмпирически подтверждая готовность современного мира к глубокой демократизации, пониманию семьи как абсолютно ключевого института в обществе, транслятора в об-

щество личностного, ненасильственного и именно потому социального (а не асоциального) начала и готовность такую трансляцию всемерно поддерживать, т. е. укреплять ненасильственный, личностный, сотруднический, доверительный семейный тип.

Список использованной литературы:

1. Алмазов Б.Н. Психологическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. – Свердловск 1986 г.
2. Арутюнянц Э. Педагогический потенциал семьи и проблема социального инфантилизма молодежи // Отец в современной семье. Вильнюс 1988 г.
3. Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья // Социологические исследования. – М., 1993. N 2. – С.58-67.
4. Бечки Ш. Молодежь и помощь несовершеннолетним в США. – М., 1991.
5. Богомолов А.С. Определенность, ценности и социологическое познание // Социологические исследования. М 1975 N 2
6. Бюхнер П., Крюгер Г.Г. Дюбуа «Современный ребенок» в Западной Европе // Социологические исследования. – М 1996 N 4 с.131.
7. Ванье Ж. Трудное созревание для насилия // Философские науки. – М., 1990. – N 11. – С.73-77.
8. Голод С.И. Клецун А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. С-П б., 1994 г.
9. Гурко Т.А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей. // Социологические исследования. – М., 1996 N 3.
10. Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы. // Социологические исследования. – М. 1995 г. N10.
11. Думитрашкю Т.А. Структура семьи и когнитивное развитие детей // Вопросы психологии. – М., 1996 г., N2 с.104-113
12. Егорычева И.Д. Психологические особенности личностной направленности подростка и возможности ее коррекции: Дисс... канд. психол. наук, 1994 г.
13. Зинченко С.Н. Трудные дети. Киев. Радянська школа, 1988г.
14. Иванов В.Н. Девиантное поведение; причины и масштабы // Социально-политический журнал. – М., 1995 N2. 158 с.
15. Кашенко В.П. Педагогическая коррекция. Исправления недостатков характера у детей и подростков. (Кн. для учителя). – М: Просвещение, 1992.
16. Когарян Г.С., Когарян А.С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. М. 1994г.
17. Кон И.С. Психология ранней юности. – М., 1984.
18. Кон И.С. Ребенок и общество. М.1988 г.
19. Корчак Я. Как любить детей. – Избр. пед. произведения. – М., 1966.
20. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М. 1991г.
21. Макаренко А.С. Книга для родителей // Соч.: В 7 т. – М., 1951. – Т.4.
22. Макаренко А.С. О воспитании. М., 1990. – 415 с.
23. Пергаменик Л.А., Фурманов И.А., Аладьин А.А., Отчик С.В. «Психодиагностика и психокоррекция в воспитательном процессе». Минск. 1992 г.
24. Психология переживаний подростка. – Киев, 1988* – 14 с. 86. Психологические особенности самостоятельных подростков юношеских групп/ Под ред. Д.И.Фельдштейна. – М., 1990. – 159 с.
25. Психолого-педагогическая коррекция и психотерапия девиантного поведения и дисгармоний в развитии детей и подростков.
26. Пухова Т.И. Развитие представлений о семейных отношениях у детей. Вопросы психологии. – М. 1996 г. N2, с.14-24.
27. Раттер М. Помощь трудным детям. – М., 1987.
28. Семья в психологической консультации. Под ред. А.А. Бодале – ва, В.В. Столина. – М., 1989 г.
29. Сермягина О.С. Эмоциональные отношения в семье. Кишинев. 1991 г.
30. Социальная реабилитация дезадаптированных детей и подростков в специализированном учреждении. Под ред. Г.М. Ивашенко. – М., 1996 г.
31. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов. Комплексная психологическая коррекция. – М., 1988 г.
32. Степанов В.Г. Психология трудных школьников. Учебное пособие для учителей и родителей. – М., 1996 г.
33. Титаренко В.Я. Семья в формировании личности М., 1987 г.
34. Фромм Э. Искусство любви. Минск, 1990 г.
35. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психология. Л. 1990 г.
36. Эжман П. Почему дети лгут? М., 1993 г.
37. Buhler Ch. Das Sulenleben des Ingendlichen. Stuttgart 1967
38. Bruchner J. Die Ingendkriminalitat. Hamburg, 1957.
39. Hall J.S. Adolescence: Yts Psychology and Yts Relation to Psychology, Antropology, Sociology, Sex, Crim, Religion and Education. NY 1992.
40. Hennig W. Lerrnmotive bei Schulern; Psychologische, Beitrage. H.23. Berlin 1978.
41. Rychlak Y.A teleological critique of modern cognitivism // Theory a psychology. – Z., 1995. – Vol.5, N 4 – p.511 – 532.